

GLOBAL JOURNAL OF HUMAN-SOCIAL SCIENCE: D
HISTORY, ARCHAEOLOGY & ANTHROPOLOGY
Volume 26 Issue 1 Version 1.0 Year 2026
Type: Double Blind Peer Reviewed International Research Journal
Publisher: Global Journals
Online ISSN: 2249-460X & Print ISSN: 0975-587X

Childhood Space in Antiquity: Paleodemographic, Ethnographic and Archaeological Dimensions

By O. Ye. Kisly

Russian Academy of Sciences

Abstract- The paper is a comprehensive study of ancient childhood. The author relies on the works of ethnologists, sociologists, and paleodemographers. The latter discipline has accumulated new data that allow us to continue M. Mead's and I. S. Kohn's ideas about the social status of the child in primitive and traditional societies, about a different understanding of the conflict of generations than the one built by psychologists from realities of the "civilized world". The major focus is on materials of the Bronze Age cultures from the Northern Black Sea region. The author offers a new economic and cultural definition of a toy.

Keywords: children's life expectancy, childhood economics, childhood artifacts, primitive and traditional societies.

GJHSS-D Classification: LCC Code: GN799.C5

Strictly as per the compliance and regulations of:

Childhood Space in Antiquity: Paleodemographic, Ethnographic and Archaeological Dimensions

Территория Древнего Детства: Палеодемографическое, Этнографическое И Археологическое Измерение

Teritoriul Copilăriei Străvechi: Dimensiunea Paleodemografică, Etnografică Şi Arheologică

O. Ye. Kisly

Abstract- The paper is a comprehensive study of ancient childhood. The author relies on the works of ethnologists, sociologists, and paleodemographers. The latter discipline has accumulated new data that allow us to continue M. Mead's and I. S. Kohn's ideas about the social status of the child in primitive and traditional societies, about a different understanding of the conflict of generations than the one built by psychologists from realities of the "civilized world". The major focus is on materials of the Bronze Age cultures from the Northern Black Sea region. The author offers a new economic and cultural definition of a toy.

Keywords: *children's life expectancy, childhood economics, childhood artifacts, primitive and traditional societies.*

Resume- Autorul are ca sarcină cercetarea complexă a copilăriei străvechi. În acest scop, el face referință la lucrările etnologilor, sociologilor, precum și ale paleodemografilor. Ultima disciplină a acumulat noi date, care permit să continuăm ideile lui M. Mead și I. S. Kohn privind statutul social al copilului în societățile primitivă și tradițională, despre o altă percepere a conflictului generațiilor decât cea modelată de către psihologi în baza „lumii civilizate”. Mult mai pe larg sunt analizate materialele culturilor din epoca bronzului din nordul Mării Negre. Este propusă o nouă determinare economică-culturală a jucăriei.

Cuvinte cheie: *durata vieții la copii, economia copilăriei, artefacte ale copilăriei, societățile primitivă și tradițională.*

Резюме- Автор ставит задачу комплексного исследования древнего детства. С этой целью обращается как к работам этнологов, социологов, так и палеодемографов. Последняя дисциплина накопила новые данные, которые позволяют продолжить идеи М. Мид, И. С. Кона о социальном статусе ребенка в первобытном и традиционном обществах, об ином понимании конфликта поколений, чем смоделированное психологами на примерах «цивилизованного мира». Наиболее широко рассматриваются материалы культур эпохи бронзы Северного Причерноморья. Предлагается новое экономико-культурологическое определение игрушки.

Ключевые слова: *детская продолжительность жизни, экономика детства, артефакты детства, первобытное и традиционное общества.*

I. INTRODUCTION

Сквозная тема выпусков *Stratum plus* 2023 года даже при первом рассмотрении выглядит такой, что действительно всегда рядом, т. е. далеко не древней, но вовсе не «по-детски» тяжелой. И все же уверен, хотя это субъективное мнение, проблематика очень «археологическая» по сути. Вспомним слова С. А. Васильева, высказанные в одной дискуссии (Васильев 2013: 696), что кроме нас, археологов, некому исследовать социологию первобытности. Отсюда задача — расширенный поиск, основанный в определенной степени на постструктурализме. Многие дает палеодемография. В этой науке есть ряд таких достижений, которые не являются абсолютом, но позволяют хотя бы в первом приближении строить некие вполне адекватные модели. Путь этот многотрудный, однако именно им уже шли многие специалисты, не уповая на достигнутое, и среди них, прежде всего, можно назвать Маргарет Мид.

Для нашего исследования, как и в целом для социологии детства современности, особое значение имеет несколько выводов из ее полевых работ.

1. Наши представления о конф ликте поколений, особенно смоделированные психологами на примерах «цивилизованного мира», не соответствуют действительности древних обществ. В частности, психологические изменения, которые, якобы, всегда сопутствуют периоду полового созревания, могут вообще отсутствовать (Мид 1988: 7, 89 и др.).
2. «Возрастные классы» воспринимались в древности по-иному, и их социальные функции были иными.
3. Выделенный ею *постфигуративный тип* отношений «взрослые-дети» (лишь часть ее кросс-исторического модельного построения) присущ в наибольшей мере традиционному обществу.

Author: Doctor of Historical Sciences. Institute of Archeology of Crimea, Russian Academy of Sciences. e-mail: kisly.a@mail.ru
Orcid: 0000-0002-3324-6432

Главное в его рамках: дети учатся у своих предшественников, а не иное (у сверстников и т. д.), описанное М. Мид в рамках других типов (Мид 1988: 322).

- Мышление ребенка, его восприятие окружающего мира было достаточно рационалистическим, логическим, а наблюдаемые ранее специалистами анимистические особенности мышления являются лишь результатом аккультурации мира ребенка (Мид 1988: 30 и др.; 172—214).

Эти выводы М. Мид в том или ином виде повторялись ее последователями, но, возможно, самое интересное, противопоставившее ее рассуждения построениям исследователей того времени, да и современных (не всегда замечаемое), заключается в том, что первобытные культуры, по мнению американского антрополога, не так уж и близки к природе, они — результат искривления природы. Так, она пошла против идей Люсьена Леви-Брюля в выделении типов первобытного мышления, а занявшись отношениями полов в древних обществах, показала, что половые (как и половозрастные) роли не есть что-то изначально данное, а результат действия социальных условий (Mead 1935: 14; Мид 1988: 59 и др.), а мы сегодня подчеркнём — результат потребностей того или иного времени в воспроизводстве жизни¹.

Критичность и самостоятельность, а затем поиск исторической системности (хотя она продолжает традиции «описательной антропологии») и, наконец, творческая парадоксальность в работах М. Мид дали возможность И. С. Кону также системно исследовать этносоциологию детства. Однако он еще не владел той информацией о первобытном обществе, особенно демоэкономической², что есть теперь в нашем распоряжении. И. С. Кон абсолютно справедливо отмечает недостаток историзма ее работ и случайность сравнений, в результате чего М. Мид «не замечает существенных стадийно-исторических и внутрикультурных вариаций» (Кон 1988: 17). Сам исследователь подчеркивает две вещи, важные для нас: 1. Исследуя древнее общество, «современный сентиментальный детоцентризм» приходится отбросить. Производство детей «должно было окупаться» (Кон 1988: 44). 2. Ребенок в определенные

периоды первобытного общества вовсе не воспринимался полноценным человеком, он что-то среднее между человеком и вещью (Кон 1988: 217). Противоречащие этому последующие замечания И. С. Кона, что средневековые донесли до нас не только данные о детстве как о «кошмарном сне», по Л. Демозу (Кон 1988: 217), но и картины нежной материнской любви, отношения к системности познания не имеют. Они такого же свойства, как и любовь, уход за детенышами животных у скотоводов. Сочувствие и эксплуатация, даже издевательства, не взаимоисключаются. Однако, с точки зрения социальной исторической психологии детства, наблюдение важно, поэтому ниже на нем немного остановимся.

Конечно же, в большом обзоре можно перечислить многие работы, в т. ч. античных мыслителей, или исследования в области теории игр, но продолжая направление, вырабатываемое, прежде всего, М. Мид и И. С. Коном (а оно, собственно, и есть предтеча постструктурализма в конкретных разработках), есть возможность конкретизировать несколько вопросов:

- Как соотносились между собой половозрастные классы и какого рода конфликты могли быть там основными, чем они были обусловлены.
- Каков был реальный мир ребенка не с точки зрения возрастной психологии современной науки, а с «точки зрения» — а) его, ребенка, т. е. как он воспринимал мир; б) его окружения, исходя из детерминанты его социальных, экономических функций.
- Как менялось отношение к ребёнку в пределах типов культур во времени и в пространстве. Можно ли как-то структурировать огромный поток археологических данных?
- Как найти в разнообразии данных хотя какую-то первичную систему, историческую модель, которые пока что в первом приближении учитывали бы замечания И. Кона об историзме и неслучайных культурных вариациях.

Один из наиболее четких показателей качества жизни человека лежит в показателях количественных, — а именно, в показателе средней продолжительности предстоящей жизни. Этот показатель не является средней статистической каких-то сумм, как часто полагают, а выступает лишь статистико-демографическим модельным показателем, отражающим жизнь поколений. В этом демография сродни истории. Известно выражение, что демография — это история поколений. Соответственно, палеодемографические³ данные дают нам возможность

¹ Термин «воспроизводство жизни» употребляем в демоэкономическом смысле, несущем естественную историческую диалектику (см. прим. 2).

² Демоэкономические исследования — это исследования наиболее общих исторически постоянных взаимосвязей, которые возникают по поводу воспроизведения жизни в наиболее широком понимании последнего термина, включая отношения «общество-природа». Именно отношения «общество-природа», а не частные иные, включая структурные в философии исторического материализма, порождают основное диалектическое противоречие истории от начала антропогенеза до завершения сапиентгенеза (Кислый 2013: 43 и др.; 256—279 и далее).

³ Под палеодемографией понимаем раздел исторической демографии, изучающей народонаселение не как количество жителей (население), а историческое образование, структурированное в

подтвердить или опровергнуть то, что показано М. Мид, И. С. Коном и другими исследователями на этнографических и исторических материалах.

Наиболее полные, взаимосвязанные территориально и по периодам за несколько тысячелетий палеодемографические статистические материалы (которые можно в первом приближении использовать в демографии) относятся к эпохе бронзы Северного Причерноморья IV—II тыс. до н. э., поскольку именно там проводились достаточно плотно раскопки в 50—80-е гг. XX в., получены массовые, исторически взаимосвязанные в пределах нескольких тысячелетий данные и выполнены антропологические определения пола-возраста, а также проведен социодемографический и демостатистический анализ. В предлагаемой статье дается предметный обзор таких материалов, в основном, по ямной, катакомбной и срубной культурам. В необходимых случаях приводятся иные, более широкие материалы, в том числе этнографические и проч. Надо четко представить, что в этом исследовании мы, прежде всего, будем опираться на те демографические представления о закономерностях и особенностях исторической трансформации населения, которые считаются достоверными. Иного пути к системности у нас пока нет и вряд ли предвидится.

Вопрос количества детей в населении — это не только исследование показателей рождаемости-смертности, но и проблема возможного этапа демографического перехода⁴ конкретного населения, понимание изменяемой ценности детей. Конечно, в каких-то отдельных сообществах временно могли проявляться особенности в показателях смертности. Но если не понимать системность процессов, чем

пространстве и времени в отношении воспроизведения жизни. Так сложилось в научной практике, что в целом историческая демография больше внимания уделяла количественным данным (численность жителей поселка и др.). Палеодемография изначально имеет более специфический круг источников — любые данные (археологические, исторические) о структуре населения. Поэтому в истории науки больше внимания уделено историческому качеству населения, его диалектической изменчивости, и, соответственно, закономерностям воспроизводства жизни. Теоретическое обоснование разного значения «населения-народонаселения» и взаимосвязанных с этим качественных и количественных сторон демопроцесса — заслуга В. С. Стешенко и В. П. Пискунова (Стешенко 1981: 314 и др.; Кислый 2013: 33—74).

⁴ Под демографическими переходами (практически = понимаю «демографическая революция») понимаем исторически значимые, эпохальные изменения в структуре населения, вызванные: а) революцией производящего хозяйства (первый демографический переход); б) промышленной революцией и индустриализацией (второй демографический переход). Типология второго перехода и изменения возрастной структуры населения разработаны на многочисленных статистических материалах. Модельная типология, статистика (изменения половозрастной структуры населения) первого демографического перехода разработана впервые А. Е. Кислым на палеогеографических материалах (Кислый 1991; Кислый 2013: 139—152).

занимаются демографы не одно поколение, то каждая частность может гипертрофироваться.

Сравним процентные соотношения детских погребений в некоторых археологических культурах на разных территориях, особо выделяя три названные выше культуры (табл. 1). Нельзя не отметить огромную разницу в процентах детских погребений в могильниках. И все же заметны некоторые близкие группы могильников по этим показателям. Фактически очень занижены проценты детских погребений в курганных могильниках Северного Причерноморья, в особенности в ямной, катакомбной и срубной культурах.

Таблица 1: Процент детских скелетов в некоторых выборках

Могильник, время, культура	Дети, %
Архантроп, известные к 1939 году находки синантропов (Крисаченко 1998: 560)	68,1
Палеоантроп и ранний неолит (Алексеев 1978)	40,9
Мезолит Украины (Алексеев 1972)	29,5
Васильевка III, мезолит (Потехина 1981)	29,5
Чатал-Гюк, неолит, Восточное Средиземноморье (Angel 1971)	25
Караташ, неолит, Восточное Средиземноморье (Angel 1971)	28,5
Неолит Украины (Потехина 1981)	30,9
Оленеостровский, неолит (Алексеев 1972)	15,4
Кара-Тепе, Геоксюр, неолит (Алексеев 1972)	32,1
Выхватинский могильник, эпоха бронзы (Великанова 1975)	63
Старые Бедражи, эпоха бронзы (Великанова 1975)	50
Карасук III, эпоха бронзы (Алексеев 1972)	43,6
Джаркутан, II тыс. до н. э. (Алексеев и др. 1984)	28,5
Киваткалнский, II тыс. до н. э. (Денисова и др. 1985)	37,9
Ямная культура, энеолит-бронза (Круц 1984)	14,9
Катакомбная культура, эпоха бронзы (Круц 1984)	14,4
Срубная культура, эпоха бронзы (Круц 1984)	14,8
Сапателлитепа, II тыс. до н. э. (Ходжайов 1977)	36,7
Ягодное, Хрящовка, эпоха бронзы, Нижнее Поволжье (Алексеев 1972)	30,8
Ливенцовка I, IV, эпоха бронзы, Нижнее Подонье (Братченко 1963)	40
Кокча III, эпоха бронзы (Алексеев 1972)	20
Тасты-Бутак, эпоха бронзы (Алексеев 1972)	60
Фирсово XIV, эпоха бронзы (Ражев, Эпимахов 2005)	73
Чернянка, белозерская культура, эпоха бронзы (Круц 1984)	30
Кочковатое, белозерская культура, эпоха бронзы (Сегеда, Литвинова 1991)	17,6
Улангом, Монголия V—III вв. до н. э. (Мамонова 1978)	20,7
Ак-таш, скифы IV—III вв. до н. э. (Покас и др. 1988)	14,6
Николаевка, скифы IV—III вв. до н. э. (Кондукторова 1979)	44,3
Кокель, Тува, III в. до н.э. — V в. н. э. (Алексеев, Гохман 1970)	21,3
Калиновка, Политотдельское, Быково, сарматы, Поволжье (Гинзбург 1959; Глазкова, Чтецов 1960; Смирнов 1960)	33,1
Бранешты, X—XI вв., Молдова (Великанова 1975)	23,4
Сарай-Бату, кон. XIV — нач. XV вв., Нижнее Поволжье (Яблонский 1980)	29,9
Мамай Сурка, XIV—XV вв., Надднепрянщина (Каприцин, архив автора)	53,5

По могильникам близкого времени Чернянка, Ягодное, Хрящовка, Карасук III такой показатель в два и более раза выше. Случайно ли это? Наверное, нет, если учесть, что Чернянка — грунтовой некрополь, а по поводу выборки из Ягодного и Хрящовки отмечается, “что здесь тщательно собирался костный материал, включая и детские скелеты”; аналогично и с Карасуком III (Алексеев 1972: 12, 87). Грунтовые могильники, в целом, дают более реальный процент детских погребений (Круц 1984: 87), при их раскопках, как правило, палеоантропологическому определению поддаются все остеологические и краниологические материалы, которые сохранились. Известно, что в 50-х гг. детские скелеты, а тем более редкие по сохранности младенческие, часто вовсе не брались при раскопках для изучения. Поэтому В. П. Алексеев часто писал, что по многим могильникам исчислять продолжительность жизни населения нет смысла, она будет «завышенной» (Алексеев 1972: 13). И здесь наступает момент истины: невозможно без знаний о закономерностях демографических процессов понять, сколько же потеряно детских скелетов. Во всех т. н. «выборках»⁵ соотношение числа умерших в разных возрастных категориях — при родах, до года (естественно, т. н. младенческая смертность была в сравнении самой высокой), до 5 лет и до достижения зрелости, — будет часто обратным тому, что известно этнографически, из достоверных демографических источников прошлого и даже из современной практики жизнедеятельности.

Понятно, что абсолютной точности здесь достичь невозможно, однако проблема в том, что даже самые тщательные сборы скелетных останков не отражают реальную картину соотношения взрослых и детей в населении или реальное население. Теперь это

⁵ Использование термина «выборка» (сохранившиеся антропологические материалы) в палеодемографической статистике крайне некорректно. Статистическая выборка тем-то и отличается от несистемного сбора данных, что она обязательно пропорционально в кластерах (необходимых для исследования подразделений) отражает данные генеральной совокупности (населения, в данном случае). В одном из недавних исследований детской смертности в эпоху бронзы приводятся данные о сравнительно высоком количестве детских скелетов в могильниках андроновского «круга» культур. При этом почему-то меня зачисляют в число тех исследователей, кто «применяет подход, основанный на признании палеоантропологической выборки популяцией, адекватно отражающей древнее население» (Ражев, Эпимахов 2005), хотя я как раз показываю обратное. Заметим со всей ответственностью, что «выборка» в принципе не может быть популяцией. И проблема даже не в упрощенном биологизаторстве. Уважаемые авторы, верно замечая, что есть закономерности экономико-демографические, затем их игнорируют. И зачем нам тогда работы предшественников, в частности, труды М. Мид, И. С. Кона, В. С. Стешенко и мн. др.? Разве они исследовали «популяцию»? Назвав выборку популяцией, мы не уважаем ни исторические, ни биологические науки как труд и познание. И далее, прежде чем употреблять этот термин применимо к социуму, необходимо четко уяснить, как же популяция «работает» в той системологической модели, что давно принята историко-социологическими науками.

стало понятно археологам, которые ранее при обнаружении небольшого количества детских скелетов в «хорошо сохранившемся могильнике» смело предполагали, что в данной общине: или детей было меньше, или там смертность детей была более низкой, за детьми, мол, ухаживали и проч. А если смертность казалась высокой, то можно было это связать с наличием инфекционных заболеваний в поселках ранних земледельцев (Алексеев 1972).

Мы видим, что отдельные могильники разного времени, в основном грунтовые, дают более 60% погребений детей. Примером могут быть неолитический Вовнижский могильник, Выхватинский, Фирсовский и Балановский могильники эпохи бронзы, некоторые могильники средневековья. Ниже покажем на примере Выхватинцев, что даже такие данные не всегда являются эталоном, а тем более возможны как системные (связанные с закономерностями демоэкономии), так и случайные колебания в показателях смертности.

Разные исследователи предлагают определенные способы коррекции детской части выборки. Г. Бротвелл допускает, что некоторые серии могут представлять реальную детскую смертность. Отсюда его широкое предположение, что соотношение тех, кто будет представлен от рождения до 20 лет, и грудных детей может быть в границах 4:3 ли 4:1 (Brothwell 1971: 130). К. Вейс также пошел по пути значительного доверия фактически представленным антропологическим материалам. Он считает, что уровень смертности грудных детей может быть 10—40 %, а детская смертность вообще может изменяться от 30 до 70% (Weiss 1972: 27). Соответственно, исследователи строят несколько таблиц смертности по одному и тому же материалу, а выводы гадательны.

Что в таком подходе не может устраивать в принципе? Во-первых, предположение, что смертность грудных детей, полученную по археологическим (палеоантропологическим) материалам, можно все же как-то приравнять по уровню достоверности к данным о смертности этой же возрастной группы, о которой мы знаем по материалам научной демографической статистики для традиционного общества. То есть, при широких исторических сравнениях выводы будут некорректны. Сам по себе разброс процентных значений детской смертности, даже в сходных культурах, показывает, что мы имеем не выборки, что они не случайны в математическом смысле и не отражают адекватно генеральную совокупность. Во-вторых, колебание детской смертности никак не связывается с возможными всплесками или падениями в приросте населения, с исторической типологией населения. Те колебания, которые наблюдаются, воспринимаются просто как возможные. Конечно же, палеоантропологи, выполняя свои расчеты, ориентируются, в первую очередь, на определённые

закономерности в исторической смертности детей, в том числе на такие данные, что точно статистически зафиксированы (см. к примеру, смертность в России: Кислый 2013: 84, табл. 2,1). И тогда весь вопрос можно упростить до уровня реконструкции недостающей (или системно искривленной) части «выборки». Но было бы ошибкой полагать, что изменения в возрастных группах полностью подобны второму демографическому переходу периода промышленной революции. Переход к производящему хозяйству знаменует не увеличением, а падением продолжительности жизни населения. Тому есть четкие и статистические, и демоэкономические объяснения (Кислый 2013:143—147).

Проведение реконструкции отсутствующих частей «выборки» является очень сложным вопросом. Если это касается детской части выборки традиционного общества с его тысячелетней историей, то сложность состоит, главным образом, в том, что процент детских погребений мог также варьироваться в зависимости от темпов прироста населения. Соответственно, мы не можем ориентироваться во всех случаях на самые высокие показатели детской смертности, которые нам известны. Но если нам известны условия развития исследуемого общества, и мы можем с достаточной достоверностью реконструировать по археологическим данным, что это общество можно изучать, используя т. н. стационарную модель (постоянные и равные наблюдаемые числа родившихся и умерших, прирост равен нулю, половозрастная структура населения не меняется), то не будет значительной ошибкой предположить, что там детская смертность достигала 70 процентов. Если общество переживало ярко выраженные кризисные явления, имело минусовый прирост населения, то смертность должна была достигать 80 % и более. Для значительного периода становления основ производящего хозяйства будет действовать т. н. стабильная модель (с очень невысоким, растянутым во времени и постоянным темпом прироста; структура такого населения, однажды пройдя стабилизацию, в дальнейшем остается неизменной), которая в итоге соответствует 50—55% детской смертности. Собственно, именно такой вариационный разброс этих значений отражает таблица 1. Для расцвета основных культур эпохи энеолита-бронзы на территории Северного Причерноморья, а также в скифское время целесообразно принять 50—55 % детской смертности. Исходя из очень многих палеодемографических наблюдений, возможна реконструкция возрастного состава населения.

Образно можно сказать, что «фрагментированная» половозрастная структура древних обществ (верхняя часть возрастной пирамиды) требует такой же реконструкции целого, то есть, структуры населения, как и «полная» реставрация профилей сосудов, от которых в руки археологов часто

попадают только верхние фрагментированные части. В таком случае надо очень *хорошо знать типологию* керамики соответствующего времени, а в нашем случае — знать исторические *типы трансформаций народонаселения*, палеодемостатистику. Как своеобразность археологических источников о развитии общества предусматривает наличие специальных приемов для поиска исторической информации, так и палеоантропологические данные предусматривают, что надо выработать специальные приемы получения демографической и историко-демографической информации (Кислый 2010). Это одна из самых главных задач палеодемографии, она важнее подсчетов числа жителей поселка, города и т. п.

Далее покажем влияние смены исторических этапов воспроизведения народонаселения (лишь один возможный эпизод демографической революции) на примере населения Украины эпохи энеолита-бронзы. Население степи, которое представлено ямной, катакомбной и срубной культурами, исходя из археологических данных, должно было иметь определенный прирост своей численности; это древнее население, стремящееся к стабилизации, или население, которое можно описать в рамках модели стабильного населения (с определенным приростом и неизменной возрастной структурой). Другое дело, позднетрипольское население, которое оставило Выхватинский могильник. Оно в демографическом плане может оказаться более «развитым», то есть таким, которое прошло основные этапы демографического подъема. Другими словами, на время возникновения самого могильника земледельческие племена Поднестровья, наверное, имели более близкий к традиционному тип воспроизводства населения — с высокой рождаемостью и довольно высокой смертностью, чем у древних скотоводов степи. Учтем также то, что Выхватинцы — это всетаки завершающий этап развития культуры Триполья, археологически могильник выглядит как могильник «довольно бедного поселения» (Энеолит СССР 1982: 239).

Поясим лишь отдельные моменты. С началом этапа положительного прироста населения начинается процесс стабилизации, который достигается через несколько поколений, пока начавшиеся изменения не коснутся всей возрастной структуры. С началом изменений доля детей в населении будет расти, особенно младших возрастов, но пока «идет» стабилизация, продолжительность жизни падает. Ситуация характерна для начала революции производящего хозяйства, т. е., для перехода к новому образу жизни. Население, растущее в геометрической прогрессии, тем быстрее убывает, чем больший темп прироста. Этим объясняется тот факт, что население Чатал-Гююка, по сравнению с населением Северного Причерноморья в эпоху неолита-бронзы,

возрастало более высокими темпами при более низкой продолжительности жизни (Кислый 2013: 144—145 и др.). Собственно, у населения ведущих центров производящего хозяйства очень быстро сменялись поколения, это было молодое население, в котором значительное количество молодых людей «вырабатывалось» до 18—20 лет и в дальнейшем становилось обществу демоэкономически ненужным, т. е., до этого возраста умирало до 50—60 % родившихся. Чем больше поколений молодых, трудоспособных людей за определенный промежуток времени будет «поставлено» демоэкономической системе, тем быстрее идет развитие древнего общества (Кислый 2013: 114—152). Естественно, преобладание в древнем населении детских и юношеских возрастов требовало системных норм удержания власти «ареопагом» и стабилизации отношений, и только преобладание старших возрастов создает детоцентризм отношений, о чем говорит, в частности, И. С. Кон (Кислый 2020). Если какое-то увеличение продолжительности жизни и возможно было для рассматриваемых периодов бронзового века, раннего железного века и др., то только на заключительной фазе демографического перехода, когда увеличивался контингент тех, кто жил в старших возрастных группах. Заметим, что перерасчеты одним и тем же методом показателей продолжительности жизни для населения эпохи бронзы Северного Причерноморья (катакомбная культура) и населения Украины по переписи 1897 г. дают практически одни величины (Кислый 2013: 120—122 и др.). Классики демографии о таком возможном эффекте говорили и ранее (Эдвард Россет и др.), и лишь археологи и антропологи «видели» положительный и «прогрессивный» прирост продолжительности жизни населения с каждым новым этапом «развития».

Вместе с тем, как свидетельствуют палеодемостатистические материалы, отдельные лица в первобытном обществе могли доживать до глубокой старости. Но вообще правильным является вывод, что древние общества были обществами без стариков (Россет 1981: 172, 178), они нужны были еще в меньшей мере, чем дети. Демоэкономическая потребность в человеке в первобытном обществе резко снижалась с достижением определенного возраста.

Вывод из этой части исследования таков. При всех возможных трансформациях необходимо, прежде всего, исходить из того, что детей в составе населения было очень много, но можно проследить и некоторые вариации. Их относительная численность вырастала и могла быть характерной в структуре увеличивающегося населения в периоды начала демографического перехода (переход к производящему хозяйству), после каких-то кризисов, войн, в моменты становления археологических культур (не всегда) и т. п. Дети были востребованы в воспроизводстве жизни социумов, и в общественном труде были задействованы с очень

раннего возраста. С другой стороны, институтов «планирования» населения, его качества, численности семей не было. Поэтому деструкции экономического плана, длительное экстенсивное «развитие» провоцировали инфантицид и/или геронтоцид (отказ от заботы, оставление, выбрасывание, иногда прямое убийство). При этом существовала половая дифференциация инфантицида. В случаях временной относительной экономической ненужности в детях (достижение государственности, появление рабов или иное) детей (девочек особенно) также могли лишаться разными способами. Соответственно, для археолога при анализе артефактов можно смоделировать, подчеркнуть, несколько ситуаций.

1. *Стационарное население:* В нем ничего не изменяется, нет прироста — положительного или отрицательного, и миграций. Это самая простая модель, и ее можно применять, если поиск/анализ упростить до предела для тысячелетий истории. Так и поступают практически всегда, когда строят таблицы смертности по палеодемографическим материалам. В этом случае можно полагать (упрощенно, модельно), что мир детства также не изменялся. Нами предложены расчеты стабильного населения по материалам палеодемографической статистики (Кислый 1991).
2. Процесс стабилизации возрастной структуры с положительным приростом появляется как (а) потребность, а затем и (б) возможность роста численности населения. Контингенты детского возраста, в т. ч. и раннего, будут желаемы, можно ожидать, что в археологическом материале этого времени будет наблюдаться повышенное число предметов (игрушек), связанных с «территорией» детства.
3. *Достижение стабилизации:* При отсутствии убийства стариков несколько вырастает продолжительность жизни населения. Возможны конфликты поколений и усиленная эксплуатация младших возрастных групп. Игрушки могут играть роль лишь вспомогательного дидактического материала или почти отсутствовать.
4. Длительный демоэкономический «кризис» как необходимость трансформаций, перекосы (с нашей точки зрения) в качестве населения. Об этом далее.

Таким образом, обратимся к ситуациям половой эксплуатации, возможном их отражении в археологическом материале, древнейшей «судьбе» игр и игрушек. В периоды становления производящего хозяйства резко вырастает потребность в мужском труде, соответственно, в приросте мужской части населения, поэтому продолжительность жизни мужчин может быть выше, чем у женщин. Без такого *искривления естественного воспроизводства жизни*

социумы просто бы не выжили. Одна условная женщина (остальные были в демоэкономической системе просто не нужны) могла родить 8—12 (также условно) детей (из них условно «нужна» лишь одна девочка), но один мужчина не мог обеспечить все потребности социума, семьи (войны, занятие новых территорий, уход за скотом, расчистка леса или камней, проч.). Поэтому женское потомство просто оставалось без должного внимания и чаще всего предавалось частичному уничтожению (заметим; нам вовсе не важно в этом случае знать, сознательно или бессознательно проходил процесс), мужское потомство было более востребовано, его выхаживали.

У богов человек периода становления, развития производящего хозяйства, а затем на всех этапах истории кочевник, скотовод, воин будут просить многочисленное потомство сыновей. И связано это будет отнюдь не с потребностью передачи возникшей патриархальной собственности (по Ф. Энгельсу и др.), а с проблемами воспроизведения жизни. Многие письменные и этнографические источники сохранили реликтовую первозданность отношений к женскому потомству. Известно послание грека жене (I в. до н. э.) с указанием ухаживать только за новорожденным мальчиком (Хаджнал 1979). Красноречив гавайский эпос: «Так будет, если счастье не обманет нас и первым родится сын. Но если первой родится дочь, она умрет, и все дочери умрут, потому что первым у нас должен быть сын» (Халеоле 1987). Тексты «Ригведы» полны такими обращениями: «Ты, о Агни, — Тваштар, (когда даришь) почитающему (тебя) богатство в виде сыновей» (Ригведа. II, 1, 5).

Марксистские мифы в понимании патриархата сегодня надо если не забыть, то значительно откорректировать (Кислий 2011а), ибо с ним, с патриархатом, начинается настоящая половая, классовая эксплуатация, и наиболее эксплуатируемым половозрастным классом становятся молодые мужчины. Отметим, регулярно, постоянно на протяжении тысячелетий. Многие мужчины были не только отделены от целого ряда благ, в т. ч. от «прав» иметь семью, потомство, их демоэкономической задачей было — отдать свой труд и вовремя умереть, освободив «социальную нишу» для последующих молодых мужчин. Поэтому (а не по причинам особых культурных норм отдельных племен) возрастные классы и имущественные классы «классового» общества исторически последовательны и неразделимы. В их основе — эксплуатация. Повышенная смертность женщин (в т. ч. и во время родов) была одной из причин падения общей продолжительности жизни населения. Отдельно взятая марксистская теория классов не системна, или, скажем четче, недостаточно экономична, политизирована.

В отмеченном выше — сущность эксплуатации и возможных исторических трансформаций. Тот

социальный класс, который обеспечивает прогресс, должен быть эксплуатируемым. Для нашей темы вывод очень важный. Практически наверняка в социумах переходного уровня мы будем наблюдать наличие «девичьих» игрушек, божков в виде женщин (куклы-обучалки, женские божества, роженицы-символы и проч.), и очень мало «мужских» игрушек. Мужчина с «младых ногтей» должен был «играть» с животными (ласкать, лелеять, любить, учиться уходу и заклятию), уподобляться зверям, рыбам и проч. Играть по-иному ему просто не разрешалось, ибо это мешало функционированию демоэкономической системы. Заметим, М. Мид была права, когда полагала, что мир ребенка — это его рациональный мир, а воспитание его искривляет.

Зарождается первая исторически системная протоидеология — запрет рационального познания. Мужчина ответственен за этот мир, а значит имеет власть, детей, собственность, скот. Он может все, но не может родить. И тогда потребовалась протоидеология, в рамках которой мужчина производит потомство, или уподобляется женщине. Боги-мужчины рожают, чего нет в природе.

В мировосприятии социума, потребности которого в преобладающем приросте мужского потомства были «неестественно» (условно неестественно) генерализированы, устанавливается мифологическая связь таких понятий, как рождаемость-плодовитость, с мужчинами, а не с женщинами. Отсюда многократно повторяемая формула: «Авраам родил ..., Ламех родил» и др. (Быт. 4: 18, 5)⁶. Или Яхве — Иакову: «Цари произойдут из чресл твоих...» (Быт. 35: 11), или чудесные случаи рождения Афины из головы Зевса (Апполодор I, 3, 6), Савитри — из тела Брахмы (Темкин и др. 1982: 75), или Евы — из ребра Адама и т. п. Отметим еще раз: это — система взглядов, потребность именно таких, не других, мировоззренческих основ, связанных с определенным типом воспроизводства жизни, а не потребность доказательства происхождения по отцовской линии. Последнее не нужно было доказывать в обществе библейских патриархов и многих других.

Здесь, в этом моменте, находится исток и потребность так часто наблюдаемой нами в древности и как реликт сегодня традиции неизображения (т. е. отсутствия реалистических изображений, ибо изображение — суть отражение, познание реалий, особенно детьми) в культуре народов. Чем сложнее были условия жизни населения, чем востребованнее был мужчина, тем меньше в обществе будет реалистических изображений, в том числе игрушек, изображающих мир вокруг человека.

У земледельцев или при комплексном хозяйствовании период деструкций (перехода) был

⁶ Ссылки даются по несинаодальному переводу с исправленными неточностями (Біблія... 1988).

короче или был менее болезненным. Более того, после оседания на землю, знакомства с агрикультурой кочевники всегда изображали некие реалии. То есть, проблема не в абстрактной «традиции древнего народа», а в экономике сообществ, *вынужденных* заниматься производящим хозяйством. Условная, графическая орнаментация и передача абстрактной информации дольше будет присуща скотоводам, населению гор, аридных зон, пустынь, проч., а реализм в изображениях, отражении мира — земледельцам. Отличия и особенности существовали в эпоху до первого демографического перехода в социумах продуктивных собирателей, рыболовов, охотников. Там было необходимо познание мира еще богатой природы, и, если не было особых трудностей перехода, то изображения были необходимы.

Важно замечание А. В. Меня, что у израильтян, когда они на долгий период оседали на землю, возникало иное мировосприятие и потребность в изображениях (Мень 1991: 251). Косвенно его подтверждает находка бронзовой (с золотыми и серебряными вставками) фигурки «золотого тельца» в наслоениях поселения Ашкелон недалеко от ТельАвива — одного из немногих изображений эпохи бронзы с ханаанской земли (Wolf 1991: 507). Прямое подтверждение мысли находим в нескольких местах Ветхого Завета, к примеру, в рассказе об отливке «золотого тельца» во время остановки возле горы Синай (Исх. 32: 8) или после оседания в Краю Обетованном: «Когда ты родишь сыновей и сыновей твоих сыновей, и состаритесь вы в Крае, и развратитесь, и сделаете идолов, изображающих что-то...» (Второзак. 4: 25).

Этнографические параллели (дагестанцы, грузины, азербайджанцы) также свидетельствуют (Голан 1993: 241), что в рамках одного этноса могут существовать чисто геометрические орнаменты (горные районы) или преимущественно растительно-животные (равнина).

Безусловно, на библейские сказания накладывались различные традиции. Особенно это заметно при сравнении различных мест Ветхого Завета. Но многочисленные запреты на изображение в Ветхом Завете (более 7 раз в разных вариациях, иногда впереди всех других заповедей) сводятся к одному первоначальному: нельзя изображать не только чужих богов (или их символы), нельзя изображать все, что приводит к познанию сущности вещей (поскольку познание является отображением), даже Яхве, если это приведет к отождествлению его с возможностью реального познания. Следовательно, нельзя изображать что угодно, существующее во всех сферах: «Не делай себе резьбы и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле, и что в воде под землей» (Второзак. 5: 8).

Мировосприятие земледельцев в большинстве случаев было более открытым. Например, Л. Б. Переверзев и А. В. Мень признают, что магизм оседлых племен характеризуется рациональностью, познанием сущности вещей (Переверзев 1966: 100, 101; Мень 1991: 187 и др.). А. В. Мень отмечал: «Крестьянин ..., как правило, по своей натуре язычник. Он гораздо ближе, чем кочевник, связан с природными циклами, он чувствителен к проявлениям стихийной жизни..., он не может обойтись без магии и волшебства, ибо они — важное средство в его хозяйстве... Израильтяне всему должны были учиться у хананеев. Они знакомились не только с их искусством виноделия или строительства крепостей, но и с их пышными религиозными праздниками... Им объясняли, как зависит урожай от обрядов плодородия, совершаемых в честь Астарты» (Мень 1991: 251).

Здесь также чувствуется оригинальность мысли М. Мид с ее наблюдениями изменений половых социальных функций. Для последующих характеристик эпохи производящего хозяйства сначала коротко обратимся к периоду верхнего палеолита (отметим, что, возможно, именно там проходил самый первый демографический переход), когда также был возможен и востребован прирост населения. Достаточно многочисленные изображения этого времени из Западной Европы, как и изображения эпохи ранних земледельцев, дородных (часто с подчеркнутой стеатопигией и проч.) женщин чаще всего связывают с культом роженицы, плодovitости/плодородия, поклонением женскому божеству, хотя мнения не однозначны. По нашему мнению, продуцирование и использование палеолитических «Венер», безусловно, было социальным имиджмейкингом явления непосредственного воспроизведения жизни, а не лишь культом и проч.

Сама по себе женская стеатопигия — анатомическая особенность лишь немногих племен (в основном бушмены) Южной Африки, и этому есть объяснения. Вряд ли условия жизнедеятельности, природные ее факторы были в Европе настолько близки Африке. Также вряд ли в Европе такой имиджмейкинг имел везде основой особенности природного мужского либидо, ведь контингент «брачующихся» или, вернее, вступающих в половую связь, в первобытном обществе был представлен преимущественно молодыми мужчинами, продолжительность жизни была не высокой. Все же допустим, все женщины верхнего палеолита Западной Европы с юных лет имели развитую стеатопигию, немолодую внешность, значит лишь незначительный по численности в том населении контингент «опытных» мужчин они на уровне подсознания привлекали. Но тогда распадается очевидное, природой обусловленное: наиболее юные девушки не привлекали молодых мужчин. А это уничтожение самых основ непосредственного

воспроизводства жизни. Есть над чем подумать в рамках адекватных моделей воспроизводства жизни. Заметим для внимательного читателя, мы говорим о верхнем палеолите, а не об иных периодах трансформации культуры, потому что тема очень многогранна.

Поэтому вполне возможно, что малые формы скульптуры верхнего палеолита в большей мере были рассчитаны не на мужчин, их либидо и/или поклонение (как это реконструируют), а на молодых представителей женского потомства, даже на девочек. Их задачей было родить как можно больше, состариться, умереть. Этого требовала демоэкономика. На мужчин репродуктивного возраста, вероятно, была направлены такие изображения, как «Венера» Брассемпуйская, лишь некоторые экземпляры из Пиренеев, возможно, но не однозначно, часть статуэток из т. н. «сибирской серии», часть графических изображений. Отсюда наше предположение, что изображения палеолитических «Венер» чаще всего представляют и божество, и детскую, а именно женскую первую в истории, возможно, первоначально инстинктивно вызванную протоигрушку⁷. Они часть познания, воспитания девочки, суггестия женской «славы» и участи, имиджмейкинг воспроизведения жизни. Естественно, и речи быть не может о том, что перед нами «секс-игрушки» и т. п., вылепленные женщинами для неудовлетворенных мужчин (Искрин 2007), хотя в размышлениях названного автора о соотношении полов есть верные замечания. Если бы автор был прав, и если бы «тогдашние» мужчины были бы столь же свободны, как и мужчины нашего времени, то изображения дородных женщин или/и юных постоянно встречались бы в наскальной живописи. Не лишне в этом случае понять физиологию мужского либидо, особенности его проявления в традиционном и первобытном обществах (см. в частности: Семенова-ТяньШанская 2010: 16). В целом, же статья — яркий пример модернизации психологии первобытного молодого человека.

Предположим также, что некоторые веретенообразные статуэтки в обществах не маскулинных, а более фемининных, т. е. допатриархальных, играли роль *amulet-defl orator*, которыми оперировали старшие женщины. Естественно, в древнейшем фемининном обществе *defl orator* редко имел форму fallos, но мальтийские «Венеры» можно рассматривать «с двух сторон». По крайней мере, отмечаемые исследователями рифления статуэток

и/или непропорциональное увеличение головы, сужение ног могли нести некоторые практические (кроме эстетических или изобразительных) функции. Первобытные культуры разделяли людей по признаку пола с момента рождения, мир мужчин и женщин существовал будто бы параллельно. Разница в средней продолжительности жизни женщин и мужчин показывает, насколько разными могли быть эти миры (Кислый 2013: 127 и др.).

Мальчик, будущий мужчина, играл в ином месте. Там, где изображены были иные боги и сцены — звери, охота, кровь и добыча. Так решается еще одна загадка палеолитического искусства: в наскальной живописи почти нет рожениц, а среди малых объемных форм редки изображения животных⁸. Это разное искусство разных миров, женского и мужского. Если наше предположение верно, то к предыстории детских игрушек в древнейших обществах яркого гендерного разделения надо отнести большинство женских статуэток малых форм. «Сибирская» серия статуэток, не содержащая признаков стеатопигии, лишь подтверждает эту гипотезу, ибо именно она произведена, вероятно, в тех условиях, когда имиджмейкинг воспроизводства себе подобных не был столь актуален. Или время уже пришло иное, или мы наблюдаем относительную обеспеченность воспроизводства жизни. Однако это отдельная тема.

Вернемся к эпохе бронзы Северного Причерноморья. Итак, разные археологические культуры могут достаточно четко укладываться в разные модели воспроизводства жизни, и могли иметь характерные игрушки или их не иметь. Подвижные скотоводы и земледельцы — также разный тип отражения воспроизводства жизни. Отсюда для нас еще один важный вывод. По образцам искусства и первых, и вторых можно определять, что перед нами, какое могло быть детство.

Известно, что трипольская культура имеет все черты комплексного аграрного хозяйствования с яркими земледельческими традициями. И она богата не просто многочисленными реалистическими изображениями, но на сосудах находим изображения как животных, так и человека, в том числе женщин. Аналогично скульптура малых форм представляет и человека, и животных. Часть из них «вылеплены детскими руками» (Старкова 2020: 101), известны игрушечные повозки (Гусев 1998), погремушки из глины или природные образования,

⁷ Настоящие в современном понимании игрушки (предметы, минимально связанные с воспроизведением жизни и предназначенные для игры как забавы) появляются лишь в XIX веке с первыми признаками «детоцентризма», с старением населения капиталистических стран. Но и ранее, на уровне традиционного общества, все (и дети) играли — в войну, в богов и чертей, а в деревне в большей мере — в непосредственное воспроизведение жизни.

⁸ Редкие или проблемные изображения: бизонаженщины (без женской головы, рук и нижней части ног) с лобковым треугольником на сталактите в пещере Шове, изображения женщин из Англи-сюр-л'Англен лишь подчеркивают общую правоту нашего предположения. Изображения в графике верхнего палеолита на мобильных предметах также, в целом, не противоречат такому выводу, хотя там чаще встречаются в большей мере сексуально ориентированные, причем на очень разные темы. Поэтому они вряд ли относились в прямом смысле к детским игрушкам или предметам научительства детей.

которые использовались как погремушки. Сравним культуры более скотоводческой направленности, и даже протоковчевнической — ямная, катакомбная, каменная, бабинская, срубная исключительно редко предоставляют реалистические изображения, в них наблюдаются значимые половые диспропорции в сторону маскулинизации общества, необходимость передвижений, причем, вернее всего, в связи с трудностями демоэкономических трансформаций («развития»), для захвата чужой собственности, скота и женщин. Мы можем какие-то предметы быта (маленькие сосудики, округлые небольшие терочки, проч.) связать с территорией детства, но интерпретировать значимое количество артефактов в качестве явных игрушек не получится.

Рассмотрим примеры. На поселении ранней бронзы Глейки II близ Керчи часто встречаются каменные округлые «терочки» и рыболовные грузила. Крупные по размерам терочки либо действительно затерты, имеют следы сработанности (рис. 1: 2), либо это грубые предметы со сколами,

применявшиеся как ударные орудия (рис. 1: 1). В коллекции также много небольших терочников с рыхлой поверхностью, ими вовсе не работали (рис. 1: 3). Возможно, это детские «рабочие игрушки» или какой-то счетный материал. Аналогично можно рассматривать маленькие глиняные кружки, выточенные из стенок лепных сосудов (рис. 1: 4). Подобно этому, среди грузил есть крупные, рабочие (рис. 1: 5, 6), но есть и совершенно небольшие. Часть грузил имеет антропоморфную форму (рис. 1: 7). Аналогичные предметы известны в Трое I, II и интерпретируются как антропоморфные изображения (Blegen et al. 1950: 127, type I; 360, 34-I, 35—208, 35—40). С переходом к оседлости, к земледелию, скажем, в сабатиновской культуре, известны фигурки животных, большинство из них — и предметы культа, и игрушки. А переходная, скотоводческо-земледельческая белозерская культура вновь отличается бедностью изображений. И это удивительно, ведь она очень схожа с сабатиновской, лишь наблюдаем определённые элементы упадка степной экономики.

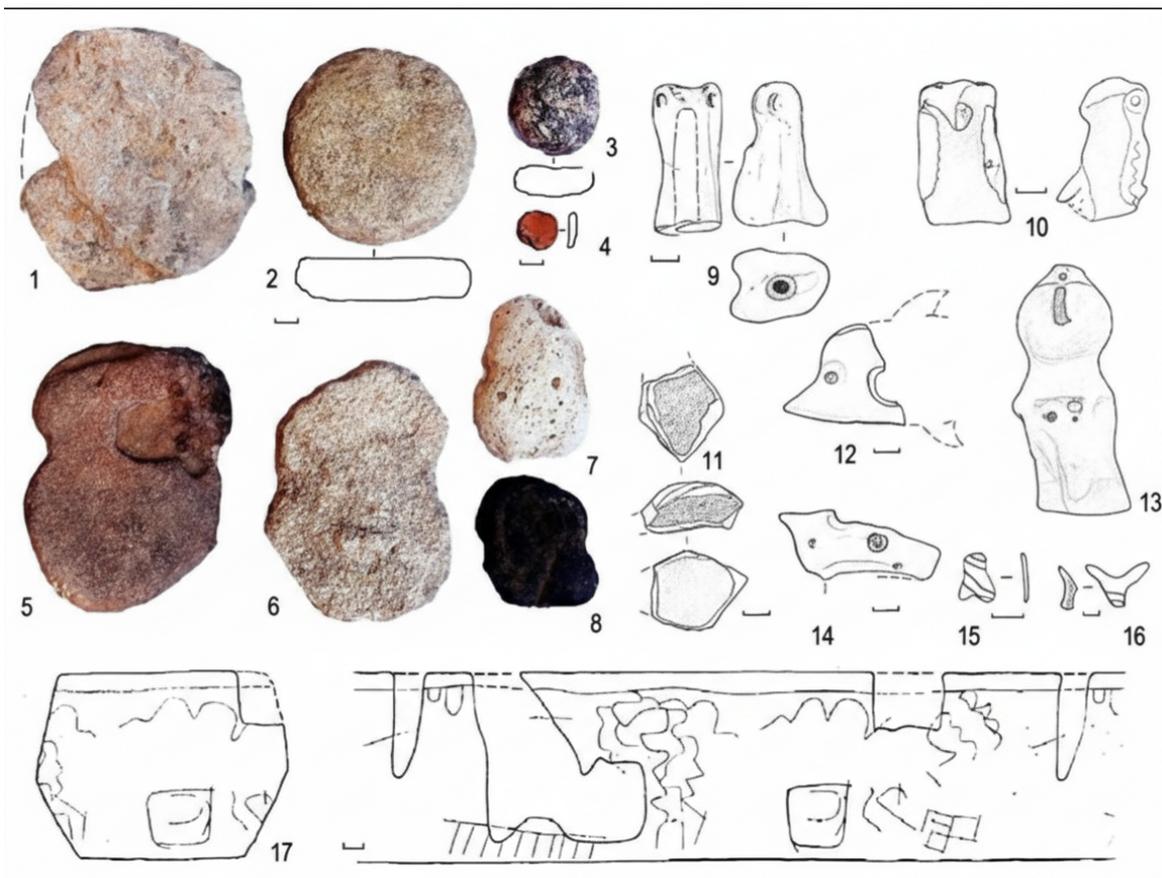

Рис. 1: Артефакты детского и взрослого миров некоторых культур эпохи бронзы. Ранняя бронза Крыма, поселение Глейки-II: 1—3 — каменные ракушечниковые терочки; 4 — фишка из стенки лепного сосуда. Средняя бронза Крыма, разные поселения каменной культуры Восточного Крыма: 9—16 — предметы «визуальной туманности»; 9, 10 — кость, пос. Каменка; 11, 12, 14 — камень, пос. Каменка; 13 — керамика, пос. Киммерик; 15 — раковина, пос. Маяк; 16 — кремьень, пос. Планерское (по Кислый 2011: 195, рис. 4). Поздняя бронза: 17 — Поволжье, с. Ишеевка, детское курганное погребение срубной культуры (по Буров 1974: 27, рис. 14).

Аналогично можно характеризовать ранний железный век, но необходимо учитывать, что культура скифов синполитейна. Любопытное образование — каменная культура Восточного Крыма. Она близка к бабинской, но в большей мере параллельна по времени катакомбной. Собственно, это одна из ветвей катакомбной культуры, получившая развитие на местной почве. Культура широко представлена поселениями, их жители — земледельцы, скотоводы и рыболовы, очевидно широко практиковали морские промыслы, в т. ч. для дальних походов. Можно уверенно говорить, что мировоззрение каменцев также не допускало реализма изображений. Но, как часто бывает в подобных случаях, вплоть до современности, допускались «визуальная туманность», угадываемая реальность (Grabar 1992). Это могли быть схожие с животными камешки, кости, какието природные формы (рис. 1: 9—16). Часть из них была детскими игрушками (Кислый 2011). Именно дети, более свободные от запретов общества, обладая природным воображением, стимулировали реализм игрушек. И здесь еще раз отметим прозорливость в реконструкции детского мира Маргарет Мид. Именно дети, еще не получив традиционных установок и культурно обусловленных запретов, могли быть носителями опыта видения образов в природных формах или в лишь частично изображенном. Возможно, поэтому сосуды срубной культуры так часто содержат лишь отдельные элементы орнаментальных композиций или даже рисунки, прочерченные неумелой рукой. К примеру, на небольшом сосуде (высота 8 см) из детского погребения (Ишеевка, курган 1, погр. 4, Поволжье, Буров 1974: 27, рис. 14) есть явно неловкие детские начертания, а рядом (внизу, по центру развёртки и справа) более уверенной рукой взрослого прочерчены ровные линии и прямоугольники (рис. 1: 17). Вероятно, имеем дело со «школой» «срубной» общины. Хотя это лишь предположение, которое следует рассматривать в комплексе с идеей развития у срубников элементов протописьменности.

Археология в содружестве с иными науками могла бы помочь социологам детства, культурологам избежать многих ошибок. В наше время не только «сентиментального детоцентризма», но и сентиментального восхищения прошлым все чаще встречаются исследования, которые в ярких красках описывают опыт воспитания прошлого. Безусловно, в этом опыте превалирует позитив, и его надо изучать. Но исследователь должен иметь нишу (возможно, какие-то закрытые исследования), где можно исследовать не гуманизм и прогресс, а воспроизведение жизни.

Обратимся к обещанному в начале статьи и важному для нашей темы культурному парадоксу эксплуатации детей и проявлений любви к ним, а также любви к животным и проч. Автор статьи в начале 90-х исследовал трудовую занятость детей в Средней Азии

(Туркменистан). Проводились социологические опросы и анкетирование. Школьник старших классов в год отрабатывал в поле, на складах хлопка и др. в среднем от 1176 до 1400 часов, что почти равно занятости рабочего «развитых» стран. Ребенок также абсолютно был необходим в домашнем хозяйстве, и пока существует родительская семья, требовалась замена выросших старших детей младшими для выполнения определенных возрастных функций (Кислый 1990). Но демографы, выходцы из тех мест, в своих исследованиях о причинах многодетности семей уверяли, что она проистекает от традиционной любви к детям. То есть, даже для ученых-специалистов любовь к детям была функционально окрашенной. Отправка детей «на хлопок», когда его кусты и коробочки до крови ранили руки, лишение детей детства, школы воспринималось как воспитание трудом силы воли и т. п. При этом модно было создавать орнаменты и игрушки на тему красивых хлопковых коробочек и проч.

Экстраполируя ситуацию на древность, понимаем, что ребенок просто не мог играть и использовать игрушки так, как привыкли мы. Мальчики «играли» в мужские игры, при этом роль игрушек часто выполняли натуральные предметы быта и/или животные. К примеру, играли с кнутом, ножом, палкой; с петухом, гусем, собакой, пытались их оседлать и проч., иногда мучили животных до смерти. Мальчики 7—9 лет у скотоводов с ранних лет помогали на пастбище (в доме их должны были заменить родившиеся братья помладше). Игры в куклы, культ кукол им просто были противопоказаны. В обществах скотоводческой направленности, особенно засушливых, аридных зон экстенсивного хозяйствования, делать для игр фигурки, к примеру, животных, не было никакой потребности, ибо научение проходило на натуральных объектах, при этом с очень ранним искривлением натуры ребенка, с приучением его к тяжелому труду, к уходу за скотом, его убою. Никакие реалистические (культовые) поделки не могли заменить жертвенное животное на алтаре и сына-жертву божеству в благодарность за ожидаемое и необходимое более многочисленное потомство. У земледельцев при относительно сбалансированном хозяйствовании появляется возможность использовать более рационально и скот, и детей, производить культово-игрушечный дидактический материал.

Девочки «играли» в куклы, но это была в большей мере не игра в нашем ее восприятии, а необходимое приучение к определенному социокультурному поведению, в том числе и принципиальная готовность к «оставлению», неуходу за будущим ребенком⁹. Возможно, разбивание

⁹ Красноречивые описания неухода («случайных убийств» младенцев, о которых все догадываются, в т. ч. и подрастающее поколение) находим у О. П. Семеново-Тянь-Шанской для общества, в котором за

палеолитических «Венер», широко отмеченное специалистами, — звено этой же цепи селективного воспроизведения потомства. Культовое, этнографически известное уничтожение куклы-врага, «спорт» и драки до крови в качестве традиционных народных игр в современных исследованиях чаще стыдливо упускаются. Между тем даже автору настоящей статьи приходилось в первой пол. 60-х принимать участие в кулачных боях «до первой крови», где «игрушками» были железные булавы и стрелы. Естественно, в такой статье, как «Народные традиции и праздники как условие духовнонравственного воспитания детей» (Тотонова, Николаева 2017), речь будет лишь о гуманных традициях. И все же в некоторых исследованиях народных детских игр, в сказках находит отражение их первобытная жестокость и т. п. Заметим, что статья Ю. Ю. Тотоновой и др. посвящена исследованию народа севера саха (якуты). Но можно познакомиться с неожиданной презентацией школьника также из Якутии (г. Удачный) на тему «Традиционные игрушки и игры якутов». Нет сомнений, текст презентации составлен при помощи учителей, взрослых (Марков 2018). Важно, что в нем нашли отражения силовые игры мальчиков, факты запрета на изображения человека в повседневности, при этом замечается, что «куклы появились позже». Как правило, игрушку-куклу считают едва ли не первой в истории игрушкой. Такое наблюдение относится к земледельческим обществам и обществам ранних цивилизаций, а в презентации якутского школьника явственно нашли отражение обычаи скотоводов севера, т. е. условия экстенсивного хозяйствования. На этом примере вновь видим, как важно различать скотоводческие, кочевнические и земледельческие общества, население на разной стадии демографических трансформаций, особенно в связи с переходом к производящему хозяйству, население периода становления и упадка культуры, и как важно следовать примеру независимости исследователя Маргарет Мид.

Таким образом, избрав своеобразной «путеводной нитью» демо-экономические и демостатистические параметры и модели, видим возможность анализировать закономерности трансформаций воспроизведения жизни в целом, воспроизводства непосредственной жизни, а также роли в первом и втором случае такого сложного инструмента обеих воспроизводств, как детская игрушка. В древности игрушка была больше, чем игрушка... Поэтому есть все основания полагать, что археология вместе со смежными дисциплинами может существенно развить социологию детства. В заключение позволим себе дополнить существующие определения

это даже подразумевалось наказание (СеменоваТянь-Шанская 2010: 10, 12, 13, 16 и др.).

игрушки таким, что суммирует наши наблюдения. Игрушка — любой предмет, используемый ребенком (или взрослым и ребенком) для игры (особого моделирования ситуаций воспроизведения жизни), специально созданный для этого или приспособленный для этого из природной среды обитания (включая животных), из мира взрослых, а также из собственного мира ребенка.

Литература

1. Алексеев В. П. 1972. Палеодемография СССР. СА (1), 3—21.
2. Алексеев В. П. 1978. *Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит*. Москва: Наука.
3. Алексеев и др. 1984: Алексеев В. П., Ходжайов Т. К., Халилов Х. 1984. *Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии*. Ташкент: Фан.
4. Алексеев В. П., Гохман И. И. 1970. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокель. *Труды Тувинской комплексной экспедиции* 3. Ленинград, 24—41.
5. Біблія... 1988: *Біблія або книги Святого письма Старого і Нового заповіту із мови давньоєврейської й грецької на українську дослівно наново перекладена*. Москва: Вид. Моск. патріархата.
6. Братченко С. Н. 1964. Отчет об исследованиях Ливенцовской экспедиции в 1963—1964 гг. *Архив Ростовского краеведческого музея*. (Данные сообщены автором раскопок в 1990 г.).
7. Буров Г. М. 1974. *Курганы бронзового века близ Ульяновска*. Ульяновск: Приволжское кн. изд-во.
8. Васильев С. А. 2013. Работа археолога: от раскопа до книги (Клейн Л. С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Донецк: Донецкий национальный университет, 2012—2013). *Российский археологический ежегодник* (3), 696—702. URL: <https://search.ukrnet/?q=Васильев+С.+А.+Работа+археолога/> (дата обращения 09.09.2016).
9. Великанова М. С. 1975. *Палеоантропология ПрутскоДнепровского междуречья*. Москва: Наука.
10. Гинзбург В. В. 1959. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья. *МИА* 60, 524—593.
11. Глазкова Н. Н., Чтецов В. П. 1960. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. *МИА* 78. 282—292.
12. Голан А. 1993. *Миф и символ*. Москва: Русслит.
13. Гусев С. А. 1998. К вопросу о транспортных средствах трипольской культуры. *РА* (1), 15—28.

14. Денисова Р. Я., Граудонис Я. Я., Гравере Р. У. 1985. *Кивуткалнский могильник эпохи бронзы*. Рига: Зинатне.
15. Искрин В. 2007. Загадка Венеры каменного века. *Санкт-Петербургский университет* 8 (3756), 30 мая 2007 года. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2007/08/19.shtml> (дата обращения 25.09.2022)
16. Кислый А. Е. 1990. Соотношение численности полов: экономические потребности и традиции. *Демографические исследования* 14. 119—131.
17. Кислый А. Е. 1991. Возрастная структура населения и революция производящего хозяйства. *Демографические исследования* 15. 150—161
18. Кислый А. Е. 2010. Методика палеодемографических расчетов и Акташский курганный могильник скифского времени в Восточном Крыму. *Древности Боспора* 14, 259—275.
19. Кислый А. Е. 2011. Условность и реализм искусства Каменной культуры Восточного Крыма. *Древности Боспора* 15, 189—207.
20. Кислий О. 2011а. Патріархат. *Енциклопедія історії України в десяти томах*. Київ: Наукова думка, 95—97.
21. Кислый А. 2013. *Система начал, трансформаций и завершения истории. Аннигиляция человека, истории, культуры*. Киев: Скиф.
22. Кислый А. Е. 2020. Демографическая социология: молодежь в изменяющемся мире, прошлое и настоящее. Социальные трансформации в контексте пространственного развития России. В: Чигрин В. А. (ред.). *Материалы Второго Крымского социологического форума*. Симферополь: КФУ, 260—265.
23. Кон И. С. 1988. *Ребенок и общество*. Москва: Наука.
24. Коңдукторова Т. С. 1979. *Физический тип людей Нижнего Поднепровья (по материалам могильника Николаевск-Козацкое)*. Москва: Наука.
25. Крисаченко В. С. 1998. *Людина і біосфера. Основи екологічної антропології*. Київ: Заповіт.
26. Круц С. И. 1984. *Палеоантропологические исследования степного Поднепровья (эпоха бронзы)*. Киев: Наукова думка.
27. Мамонова Н. Н. 1978. Демография Улангомского могильника. Саяно-тувинская культура 5—3 вв. до н. э. *Археология и этнография Монголии*. Новосибирск: Наука, 123—135.
28. Марков Г. 2018. *Традиционные игрушки и игры якутов*. URL: <https://infourok.ru/prezentaciyatradici-onnieigrushki-i-igri-yakutov-2545229.html> (дата обращения 20.09.2022).
29. Мень А. 1991. *История религии в семи томах. Том II. Магизм и единобожие*. Москва: Слово.
30. Мид М. 1988. *Культура и мир детства*. Москва: Гл. ред. восточной л-ры.
31. Переверзев Л. Б. 1966. *Искусство и кибернетика*. Москва: Искусство.
32. Покас П. М., Назарова Т. А., Дьяченко Д. В. 1988. *Материалы по антропологии Акташского могильника*. В: Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев: Наукова думка.
33. Потехина И. Н. 1981. К вопросу о продолжительности жизни человека каменного века на Украине. *Древности Среднего Поднепровья*. Киев: Наукова думка, 21—30.
34. Ражев Д. И., Епимахов А. В. 2005. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы. *ВИАЭ* 5, 107—113.
35. *Ригведа*. 1989—1999. Пер. Т. Я. Елизаренковой. Москва: Наука.
36. Россет Э. 1981. *Продолжительность человеческой жизни*. Москва: Прогресс.
37. Сегеда С. П., Литвинова Л. П. 1991. Антропологический материал из могильника белозерской культуры у с. Кочковатое. *Древности степного Причерноморья и Крыма*. Запорожье: ЗГУ, 180—187.
38. Семенова-Тян-Шанская О. П. 2010. *Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний*. Москва: Ломоносовь.
39. Смирнов К. Ф. 1960. Быковские курганы. *МИА* 78, 196—172.
40. Старкова Е. Г. 2020. Статуэтки трипольской культуры из Немирова: новые материалы из старой коллекции. *Camera praehistorica* 1 (4), 93—108. DOI: 10.31250/2658-3828-2020-1-93-108.
41. Стешенко В. С. 1981. *Изучение воспроизводства народонаселения*. Киев: Наукова думка.
42. Темкин Э. Н., Эрман В. Г. 1982. *Мифы древней Индии*. Москва: Наука.
43. Тотонова Ю. Ю., Николаева Л. В. 2017. Народные традиции и праздники как условие духовнонравственного воспитания детей. *Международный студенческий научный вестник* (4—9). URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=17700> (дата обращения: 23.10.2022).
44. Хаджнал Дж. 1979. Европейский тип брачности в ретроспективе. В: Вишневский А. Г., Кон И. С. (ред.). *Брачность, рождаемость и семья за три века*. Москва: Статистика, 14—70.
45. Ходжайов Т. К. 1977. *Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепе*. Ташкент: Фан.
46. Халеоле 1987. *Сказания о Лаиз-и-ка-ваи*. Москва: Наука.
47. Энеолит СССР 1982: Массон В. М., Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., Черныш Е. К. 1982. *Энеолит СССР*. Археология СССР 4. Москва: Наука.

48. Яблонский Л. Т. 1980. К палеодемографии средневекового города Сарая — Бату (Селитренные городища). СЭ (1), 142—148.
49. Angel, J. L. 1971. Раннеолитические скелеты из Катар-Хююка: демография и патология. *Anatolian Studies* 21, 77—98.
50. Blegen, W. C., Caskey, L. J., Rawnsdon, M., Sperling, J. 1950. Общее введение. Первое и второе поселения I. Часть 2. Иллюстрации. Университет Цинциннати: Princeton University Press.
51. Brothwell, R. 1971. Палеодемография. Биологические аспекты демографии. Лондон: под ред. W. Brass, 111—131.
52. Grabar, O. 1992. Посредничество орнамента. Принстон: Princeton University Press.
53. Mead, M. 1935. Пол и темперамент в трех примитивных обществах. Нью-Йорк: Уильям Морроу.
54. Вайсс, К. М. 1972. Демографические модели для антропологии. Общество американской археологии. Мемуары: Вашингтон 27, 5—31.
55. Вольф, С. Р. 1991. Археология Израиля. Американский журнал археологии. Журнал Археологического института Америки 95 (3), 489—538.

REFERENCES RÉFÉRENCES REFERENCIAS

1. Alekseev, V. P. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 3—21 (in Russian).
2. Alekseev, V. P. 1978. *Paleoantropologiya zemnogo shara i formirovanie chelovecheskikh ras. Paleolit (Paleoanthropology of the Globe and Formation of Human Races: Palaeolithic)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Alekseev, V. P., Khodzhaiov, T. K., Khalilov, Kh. 1984. *Naselenie verkhov'ev Amudar'i po dannym paleoantropologii (Population of the Upper Amudarya Basin by Data of Paleoanthropology)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
4. Alekseev, V. P., Gokhman, I. I. 1970. In *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Complex Expedition)* 3. Leningrad, 24—41 (in Russian).
5. *Bibliya abo knyhy Svyatoho pys'ma Staroho i Novoho zapovitu iz movy davn'oyevrejs'koi j hrets'koi na ukrains'ku dosliv no nanovo perekladena (The Bible or Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament from the Ancient Hebrew and Greek Languages into Ukrainian Literally Re-translated)*. 1988. Moscow: Moscow Patriarchy (in Ukrainian).
6. Bratchenko, S. N. 1964. In *Arkhiv Rostovskogo kraevedcheskogo muzeia (Archive of the Rostov-on-Don Museum of Local Studies)* (in Russian).
7. Burov, G. M. 1974. *Kurgany bronzovogo veka bliz Ul'ianovska (Bronze Age Barrows near Ulyanovsk)*. Ulyanovsk: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
8. Vasil'ev, S. A. 2013. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* (3), 696—702 (in Russian).
9. Velikanova, M. S. 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia (Paleoanthropology of the Prut-Dniester In-terfluve)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Ginzburg, V. V. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 60, 524—593 (in Russian).
11. Glazkova, N. N., Chtetsov, V. P. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 78, 282—292 (in Russian).
12. Golan, A. 1993. *Mif i simvol (Myth and Symbol)*. Moscow: "Russlit" Publ. (in Russian).
13. Gusev, S.A. 1998. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 15—28 (in Russian).
14. Denisova, R. Ya., Graudonis, Ya. Ya., Gravere, R. U. 1985. *Kivutkalskii mogil'nik epokhi bronzы (Kivutkals Necropolis of the Bronze Age)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).
15. Iskrin, V. 2007. In *Sankt-Peterburgskii universitet (Saint Petersburg University)* 8 (3756), 30 May 2007. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2007/08/19.shtml> (accessed 25.09.2022) (in Russian).
16. Kislyi, A. E. 1990. In *Demograficheskie issledovaniia (Demographic Studies)* 14, 119—131 (in Russian).
17. Kislyi, A. E. 1991. In *Demograficheskie issledovaniia (Demographic Studies)* 15, 150—161 (in Russian).
18. Kislyi, A. E. 2010. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 14, 259—275 (in Russian).
19. Kislyi, A. E. 2011. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 15, 189—207 (in Russian).
20. Kyslyjb O. 2011. In *Entsyklopediya istorii Ukrainy v desyaty tomakh (Encyclopedia of the History of Ukraine in 10 vols.)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 95—97 (in Ukrainian).
21. Kislyi, A. 2013. *Sistema nachal, transformatsii i zaversheniia istorii. Annigiliatsiia cheloveka, istorii, kul'tury (System of Beginnings, Transformations and Completion of History: Annihilation of Human, History, and Culture)*. Kyiv: "Skif" Publ. (in Russian).
22. Kislyi, A. E. 2020. In Chigrin, V.A. (ed.). *Materialy Vtorogo Krymskogo sotsiologicheskogo foruma (Materials of the 2nd Crimean Forum of Sociology)*. Simferopol: Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, 260—265 (in Russian).
23. Kon, I. S. 1988. *Rebenok i obshchestvo (Child and Society)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Konduktorova, T. S. 1979. *Fizicheskii tip liudei Nizhnego Podneprov'ia (po materialam mogil'nika Nikolaevsk-Kozatskoe) (Physical Type of Men in*

- the Lower Dnieper Basin: by Materials of the Nikolaevsk-Kozatskoye Necropolis*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Krysachenko, V. S. 1998. *Lyudyna i biosfera. Osnovy ekolohichnoi antropologii (Human and Biosphere: Basics of Ecological Anthropology)*. Kyiv: "Zapovit" Publ. (in Ukrainian).
 26. Kruts, S. I. 1984. *Paleoantropologicheskie issledovaniia Stepnogo Pridneprov'ia (epokha bronzy) (Paleoanthropological Investigations of Steppe Dnieper Region (Bronze Age))*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
 27. Mamonova, N. N. 1978. In *Arkheologii i etnografiia Mongolii (Archaeology and Ethnography of Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 123—135 (in Russian).
 28. Markov, G. 2018. *Traditsionnye igrushki i igry iakutov (Traditional Toys and Games of the Yakuts)*. URL: <https://infourok.ru/prezentaciyatradicionnie-igrushki-i-igri-yakutov-2545229.html> (accessed 20.09.2022) (in Russian).
 29. Men', A. 1991. *Istoriia religii v semi tomakh (History of Religions in 7 vols.) II. Magizm i edinobozhie (Magism and Monotheism)*. Moscow: "Slovo" Publ. (in Russian).
 30. Mead, M. 1988. *Kul'tura i mir detstva (Culture and Childhood)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
 31. Pereverzev, L. B. 1966. *Iskusstvo i kibernetika (Art and Cybernetics)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
 32. M., Nazarova, T.A., D'iachenko, D. V. 1988. In Bessonova, S. S., Buniatian, E. P., Gavriiliuk, N.A. *Aktashskii mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu (Aktash Burial Ground of the Scythian Time in Eastern Crimea)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
 33. Potekhina, I. N. 1981. In Artemenko, I. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Podneprov'ia. Sbornik nauchnykh trudov (Antiquities of Middle Dnieper Region. Collected Scientific Studies)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 21—30 (in Russian).
 34. Razhev, D. I., Epimakhov, A. V. 2005. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 5, 107—113 (in Russian).
 35. *Rigveda (The Rigveda)*. 1989—1999. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
 36. Rosset, E. 1981. *Prodolzhitel'nost' chelovecheskoi zhizni (Trwanieżycia ludzkiego)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
 37. Segeda, S. P., Litvinova, L. P. 1991. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)*. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University, 180—187 (in Russian).
 38. Semenova-Tian-Shanskaia, O. P. 2010. *Zhizn' «Ivana». Ocherki iz byta krest'ian odnoi iz chernozemnykh gubernii (Life of an "Ivan": Essays from the Life of Peasants of One Chernozym Province)*. Moscow: "Lomonosov" Publ. (in Russian).
 39. Smirnov, K. F. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 78, 196—172 (in Russian).
 40. Starkova, E. G. 2020. In *Camera praehistorica* 1 (4), 93—108. DOI: 10.31250/2658-3828-2020-1-93-108 (in Russian).
 41. Steshenko, V. S. 1981. *Izuchenie vosproizvodstva narodonaseleniia (The study of the Reproduction of Population)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
 42. Temkin, E. N., Erman, V. G. 1982. *Mify drevnei Indii (Myths of Ancient India)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
 43. Totonova, Yu. Yu., Nikolaeva, L. V. 2017. In *Mezhdunarodnyi studentcheskii nauchnyi vestnik (International Student Scientific Bulletin)* (4—9). URL: <https://eduherald.ru/ru/ar-ticle/view?id=17700> (accessed 23.10.2022) (in Russian).
 44. Hajnal, J. 1979. In Vishnevskii, A. G., Kon, I. S. (eds.). *Brachnost', rozhdaiemost' i sem'ia za tri veka (Marriage Patterns, Birth Rate and Family in Three Centuries)*. Moscow: "Statistika" Publ., 14—70 (in Russian).
 45. Khodzhaiov, T. K. 1977. *Antropologicheskii sostav naseleniia epokhi bronzy Sapallitepa (Anthropological Composition of the Bronze Age Population of Sapallitepa)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
 46. Haleole, S. 1987. *Skazaniia o Laie-i-ka-vai (Tales on Laie-i-ka-wai)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
 47. Masson, V. M., Merpert, N. Ya., Munchaev, R. M., Chernysh, E. K. (eds.). 1982. *Eneolit SSSR (Eneolithic of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 4. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
 48. Yablonsky, L. T. 1980. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (1), 142—148 (in Russian).
 49. Angel, J. L. 1971. Early neolithic skeletons from Catal Hüyük: Demography and pathology. *Anatolian Studies* 21, 77—98.
 50. Blegen, W. C., Caskey, L. J., Rawnsion, M., Sperling, J. 1950. *General Introduction the First and Second Settlement I. Part 2. Plates*. University of Cincinnati: Princeton University Press.
 51. Brothwell, R. 1971. *Paleodemography. Biological aspects of demography*. London: ed. By W. Brass, 111—131.
 52. Grabar, O. 1992. *The Mediation of Ornament*. Princeton: Princeton University Press.
 53. Mead, M. 1935. *Sex and temperament in three primitive Societies*. New York: William Morrow.

54. Weiss, K. M. 1972. Demographic models for anthropology. *Society for American Archaeology. Memoirs: Washington* 27, 5—31. *Archaeological Institute of America* 95 (3), 489—538.
55. Wolf, S. R. 1991. Archaeology of Israel. *American Journal of Archaeology. The journal of the*

II. Список Сокращений

АДИУ-	Археологія і давня історія України. Київ.
АЕС-	Археология евразийских степей. Казань.
АлтГПУ-	Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул.
АлтГУ-	Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН-	Академия наук.
АН РТ-	Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР-	Академия наук СССР.
АО-	Археологические открытия. Москва.
АП УРСР-	Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСА-	ассоциация «Северная археология».
АЭАЕ-	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БМСК-	бережновско-мосоловская срубная культура.
БНЦ СО РАН-	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. УланУдэ.
БСЭ-	Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Москва.
ВААЭ-	Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГПУ-	Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВГУ-	Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ-	Вестник древней истории. Москва; Ленинград.
ВОдесКК-	Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса.
ВУ-	Вестник угроведения. Ханты-Мансийск.
ВУАК-	Всеукраїнський археологічний комітет. Харків.
ВУАН-	Всеукраинская Академия наук. Харків.
ГАГУ-	Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГАИМК-	Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград.
ГИМ-	Государственный исторический музей. Москва.
ГРВЛ-	Главная редакция восточной литературы. Москва.
ДДУ-	Дніпропетровський державний університет. Дніпропетровськ.
ДонГУ-	Донецкий государственный университет. Донецк.
ЕГУ-	Ереванский государственный университет. Ереван.
ЕНУ-	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва. Астана.
ЗГУ-	Запорожский государственный университет. Запорожье.
ЗРАО-	Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИА СССР/РАН-	Институт археологии АН СССР / РАН. Москва.
ИА АН УССР-	Институт археологии АН УССР. Киев.
ИА НАНУ-	Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН-	Институт археологии Российской Академии наук. Москва..
ИАЭТ СО РАН-	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИГАИМК-	Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Москва; Ленинград.

ИИМК-	Институт истории материальной культуры Академии наук СССР/Российской Академии наук. Ленинград / Санкт-Петербург..
ИА НАНУ-	Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
КарГУ-	Карагандинский государственный университет. Караганда.
КГУ-	Красноярский государственный университет. Красноярск.
КемГУ-	Кемеровский государственный университет. Кемерово.
КИО-	культурно-историческая общность.
КМТ-	керамика малополовецкого типа.
КРС-	крупный рогатый скот.
КСИА-	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР / Российской Академии наук. Москва; Ленинград.
КСИА АН УССР-	Краткие сообщения института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК-	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва.
ЛГПУ-	Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ-	Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МА МГУ-	Музей антропологии при Московском государственном университете. Москва.
МАГК-	Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.
МАИАСК-	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма (с №10 — МАИАСП). Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИАСП-	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИЭТ-	Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Симферополь.
МАКК-	Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
МАР-	Материалы по археологии России. Санкт-Петербург / Петроград.
МАСП-	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ РАН-	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГУ-	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА-	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МРС-	мелкий рогатый скот.
МЭ-	Младшая Эдда.
НА ІА НАНУ-	Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НА ГАУК ТО «ТМПО»-	научный архив государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение» (структурное подразделение «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник»). Тобольск.
НАНУ-	Національна Академія наук України. Київ.
НГУ-	Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИР-	научно-исследовательская работа.
НЦ-	научный центр.
ОГИЗ-	Объединённое государственное издательство. Москва; Ленинград.
ОИРИМ-	Отчеты Императорского Российского Исторического музея. Москва.
ОПИ ГИМ-	Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва.
ПБВ-	поздний бронзовый век.
ПИФК-	Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
ПСК-	покровская срубная культура.

РА-	Российская археология. Москва.
РА НБФ-	Рукописный архив Национальной библиотеки Финляндии. Хельсинки.
РАЕ-	Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАИМК-	Российская Академия истории материальной культуры. Ленинград.
РАН-	Российская Академия наук. Москва.
РАО-	Русское археологическое общество. Санкт-Петербург.
РАТ-	Рукописный архив А.М. Тальгрена в археологическом отделе Музейного ведомства Финляндии. Хельсинки.
РВ-	Ригведа.
РНФ-	Российский научный фонд. Москва.
РО НБФ-	Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии. Хельсинки.
СА-	Советская археология. Москва.
САИ при КарГУ-	Сарыаркский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. Е. А. Букетова. Караганда.
СГАИМК-	Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
СЗП-	Северо-Западное Причерноморье.
СКИО-	срубная культурно-историческая общность.
СКК-	срубный культурный круг.
СНВ-	Самарский научный вестник. Самара.
СНК-	культурный круг Сабатиновка-Ноа-Кослоджень.
СНУ ім. В. Даля-	Східноукраїнський національний університет ім. Володіміра Даля. Луганськ.
СНЦ РАН-	Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СПБГУ-	Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПБФ АРАН-	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
СЭ-	Советская этнография. Москва.
ТГУ-	Томский государственный университет. Томск.
ТКК-	тшинецкий культурный круг.
ТСА РАНИОН-	Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва.
УАН-	Украинская Академия наук. Киев.
Ургу-	Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск.
УрО РАН-	Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
УСРР-	Українська соціалістична радянська республіка.
УТОПІК-	Українське товариство охорони пам'яток історії і культури. Київ.
ХСБ-	Херсонесский сборник. Севастополь.
ЦИК СССР-	Центральный исполнительный комитет СССР. Москва.
ЦП НАНУ і УТОПІК-	Центр пам'ятокознавства НАН України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЭО-	Этнографическое обозрение. Москва.
AWE-	Ancient West and East. Waltham, MAю
BAR-	British Archaeological Reports. Oxfordю
ESA-	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
FA-	Fennoscandia archaeologica. Helsinki.
FM-	Finnsk Museum. Helsinki.
FUF-	Finno-Ugrische Forschungen. Helsinki.

JAOS-	Journal of the American Oriental Society. New Haven, Connecticut.
MSFOu-	Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki.
PBF-	Prähistorische Bronzefunde. München; Stuttgart.
PZ-	Præhistorische Zeitschrift. Leipzig.
RAASI-	Revista de Arheologie, Antropologie și Studii Interdisciplinare. București.
RAS-	Russian Academy of Sciences. Moscow.
SMYA-	Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.
SN-	seria nouă.

